

Редко у какого поэта виден такой чёткий разрыв в творчестве, как у Игоря Северянина. Вот уж верно, революция разорвала его пополам.

Если символом его первого декадансно-эпатажно-куртизанского периода стал знаменитый сборник стихов “Громокипаций кубок” 1913 года, то символом второго, напое-

Из книги “Игорь-Северянин”

Поражает само место нового жительства, мало ли было у нас знаменитых эмигрантов в ту пору: Марина Цветаева, Дмитрий Мережковский, Иван Бунин, Георгий Адамович, Давид Бурлюк, да и города им под стать: Прага, Берлин, Париж, Нью-Йорк, на худой конец Шанхай и Харбин. А тут даже не Ревель, ставший Таллином, а глухая северная эстонская деревушка Тойла. И ведь эздил же первые годы эмиграции Игорь Северянин на гастроли в эти самые шумные города, мог и остаться. Не пожелал.

Вместе со своими старыми эпатажными стихами он возненавидел и большие города, даже Таллин казался ему огромным. Изменились и стихи. Осталась прежняя легкость стиха, но его как бы пересажали на классическую почву. Осталась прежняя небрежность стиха, ранее прикрываемая эпатажностью, футуристичностью строк, теперь она стала бросаться в глаза. Но и её мы прощаем серьёзностью тем, немало их трагичностью.

Игорь Северянин, когда-то начинавший крутым русским патриотом, воспевавшим императорский флот в русско-японскую войну 1905 года, пройдя свой эпатажно-футуристический период, возвращается уже в эмиграции в родную русскую гавань. Такого поэта в нынешней России практически не знают. Хотя ещё в 1921 году в прибалтийской газете “Виленское слово” критик Д. Бохан писал: “И. Северянину не чужды чисто русские мотивы... За границей он научился сильнее прежнего любить свою бедную Родину... Лучшая поэзия освещена любовью к Родине. Он воспевае даже “Икру и водку” доброго старого времени... Он ничего не стесняется – и ничего не боится...”

Николаевская белка,
царская красноголовка
Наша знатная казёнка –
что сравниться может с ней?
С монополюй русской хмельной?
Выглядела в горло, ловка,
К ней икра была закуской,
лучше всех и всех вкусней!..

Это – не каждый напишет. Но ему можно, ибо он Игорь Северянин. Только ему возможно простить стихотворение “Ванг и Абианна”, стоящее на той границе, за которую следует 1001 статья... Только силою художественного дарования он избежал тона, за который мог быть обвинен в порнографии. Это дивное стихотворение – греческая скульптура, не знающая стыда, ибо прекрасное – беззастыдное. Новая книга стихов И. Северянина – вклад в русскую поэзию. Талант его развивается. Мы имеем нового, талантливого, до мозга костей русского поэта”.

Так получилось, что этот переродившийся русский поэт, к тому же не отличающийся антисоветскостью, не был интересен ни эмигрантам, ни деятелям советской культуры. Разве что такие же, как сам Северянин, тоскующие по России мастера, верно угадывали суть нового Северянина. К примеру, Марина Цветаева писала ему в неотосланном письме:

“...От лица правды и поэзии приветствую Вас, дорогой. От всего сердца своего и от всего сердца вчерашнего зала – благодарю Вас, дорогой.

Вы вышли. Поднимаете лицо – молодое. Опускаете – печат лёт. Но – поэту не суждено опущенному – разве что никем не видимый наклон к тетради! – всё: и негодование, и восторг, и слушание дали далей! – вздымает, заносит голову. В моей памяти – и в памяти вчерашнего зала – Вы останетесь молодым.

Ваш зал... Зал – с Вами вместе двадцатилетних... Себя пришли смотреть: свою молодость: себя – тогда, свою последнюю – как раз ещё успели! – молодость, любовь...”

В этом зале были те, которых я ни до, ни после никогда ни в одном литературном зале не видала и не увижу.

ного тайнствами природы, тонкой лирикой, чьямчей болью за Россию, стал сборник стихов “Классические розы”, вышедший в Белграде в 1931 году.

Что происходило в душе поэта, навсегда останется загадкой, ибо дело не в революции как таковой, и не в эмиграции.

Все пришли. Привидения пришли, притаились. Призраки явились – поглядеть на себя. Послушать – себя.

Вы – Вы же были только той, прори-

"Моя безбожная Россия"

Владимир
БОНДАРЕНКО

цательницей, Саулу показавшей Самуила...

Среди стольких призраков, сплошных привидений – Вы один были – жизнь: двадцать лет спустя.

...Вы выросли, вы стали простым. Вы стали поэтом больших линий и больших вещей. Вы открыли то, что отродясь Вам было приоткрыто – природу, Вы, наконец, разнарядили её...
Такое письмо от такого мастера выше сотен критических разборов. Но массовый читатель помнил лишь про “Ананасы в шампанском” и “Громокипаций кубок” и на его “Классические розы” внимания почти не обращал. Разве что Пётр Пильский, эмигрантский критик из Риги, обратил внимание на глубинные перемены в творчестве поэта: “Сейчас Игорь Северянин – поселанин (“Классические розы”). Город им проклят... Отталкивает и вся Европа (“расудочно-чёрствая”)... Петербургский период Игоря Северянина давно отцвёл, увял и умер, и городских обольщений нет. Появилась жажда простоты, свежести, просторов земли”.

Впрочем, обратимся к самой книге “Классические розы”. Начинается книга, вышедшая в Белграде, с посвящения Её Величеству Королеве Югославии Марии:

Однажды в нашей северной газете
Я вас увидел с удочкой в руках, –
И вспыхнуло сочувствие в поэте
К Жене Монарха в солнечных краях.

Отдана дань уважения принимающей стороне, и затем начинается главная тема и книги, и всей поздней поэзии Северянина, тема России, погибающей, возрождающейся, вечно великой и вечно ожидаемой. Сначала уже ставшие классическими в русской поэзии “Классические розы”:

В те времена, когда роились грёзы
В сердцах людей, прозрачны и ясны,
Как хороши, как свежи были розы
Моей любви, и слезы, и весны!
Прошли лета,

и всюду льются слёзы...
Нет ни страны,

ни тех, кто жил в стране...
Как хороши, как свежи были розы
Воспоминаний о минувшем дне!
Но дни идут – уже стихают грёзы,
Вернуться в дом Россия ищет троп...
Как хороши, как свежи будут розы
Моей страной
мне брошенные в гроб!

Последние две строфы выгравированы на памятнике на могиле поэта. Как правило, там стоят и постоянно обновляемые букеты свежих роз. Думаю, и страна Россия на юбилей поэта в 2017 году озаботится о розах и о памяти своего национального поэта. Да и стихи из “Классических роз” будут звучать и по радио, и по телевизору. И наконец, Россия узнает не выдумчика не бывалой изысканности, а ещё одного своего национального поэта, которым гордиться можно наравне с Пушкиным, Лермонтовым, Тютчевым, Есениным. Каждый школьник должен знать наизусть эти строки:

О России петь –
что стремиться в храм
По лесным горам, полевым коврам...
О России петь –
что весну встречать,
Что невесту ждать,
что утешить мать...
О России петь – что тоску забывать,
Что Любовь любить,
что бессмертным быть!

И казалось, вся вечная история России и русского народа проходит перед нами. Все её смуты и поражения, все беды и воскрешения. Чувствуется в этих стихах та искренность, которой не бывало в его причудливых грёзофар-

сах. Он становится по-настоящему народным и хрестоматийным. И нет никакой фальши, никакого лицемерия, да и никакой парадности. Есть своя правда, своя словесная изобретательность, своя стойкость.

На восток, туда, к горам Урала,
Разбросалась странная страна,
Что не раз, казалось, умирала, –
Как любовь, как солнце, как весна.
И когда народ смолкал сурово
И, осиротевший, спел от слёз,
Божьей волей воскресла снова, –
Как весна, как солнце, как Христос!

Разве не так? Разве не вымирали и не воскресали мы Божьей волей? Да, поэту видно и наше неистребимое варварство, наряду со стойкостью и верой, поэт и сам погружён в точно такой же русский хаос, который извечно царит в России, но он уже выше знает, что слезами горю не поможешь, что каждо-

му из нас свою Россию нужно заслужить.

Ты потерял свою Россию.
Противоставил ли стихию
Добра стихии мрачной зла?
Нет? Так умолки: увела
Тебя судьба не без причины
В края неласковой чужбины.
Что толку охать и тужить –
Россию нужно заслужить!

Вот его ответ всем тем, кто оправдывает свою эмиграцию неким посланием. Сам поэт вроде бы даже не эмигрант, а дачник поневоле, считает и себя виновным во всех бедах России.

В этом сборнике любое стихотворение – знаковое. Поэт то надеется на скорые перемены и возвращение домой:
И будет вскоре весенний день,
И мы поведем домой в Россию:
Ты шлупу шёлковую надень:
Ты в ней особенно красива:
И будет праздник: большой-большой,
Каких и не было, пожалуй,
С тех пор,

как создан весь шар земной,
Такой смешной и обветшалый:
И ты прошепчешь: “Мы не во сне?...”
Тебя со смехом ушлупня
И зарыдаю, молясь весне
И землю русскую целую!

То обращается к москвичам с призывом к скорым переменам. Пожалуй, эти перемены в поэтическом творчестве Северянина чем-то близки переменам в творчестве Владимира Маяковского. Да и политичность сборника “Классические розы” никак не меньше политичности книги Маяковского.

Москва вчера не понимала,
Но завтра, верь, поймёт Москва:
Родиться Русским – слишком мало,
Чтоб русские иметь права:
И, вспомнив душу предков, встанет,
От слова к делу перейдя,
И гнев в народных душах грядет,
Как гром живящего дождя.
И сломит энёт, как энёт ломала
Уже не раз повстанцев рать:
Родиться Русским – слишком мало:
Им надо быть, им надо стать!

Оставаясь поэтом, Игорь Северянин

превращается в гражданина, в патриота России. Этого никак не могли понять ни его бывшие поклонники, претендовавшие на изысканность вкуса, не могли понять и нынешние ценители “тонкой поэзии”, отбрасывающие “Классические розы” за пределы литературы. Для либеральной публики этот сборник чересчур переполнен словом “русский”.

Я мечтаю, что Небо от бед
Избавленье даст русскому краю.
Оттого, что я – русский поэт,
Оттого я по-русски мечтаю!

Игорь Северянин и в былые времена любил давать отпор, не чурался острого слова, но будучи в эмиграции, и при этом, вне эмигрантского круга, он был абсолютно свободен в своих высказываниях. Он беспощаден и в своих выступлениях в Таллине, Риге, Белграде, Варшаве, Париже, предпочитая отдавать свою любовь северной природе и любимым женщинам, а также покинутой России. Для самой эмиграции у него любви не хватало. Чем превращался во второстепенного европейца, он предпочитает мечтать о будущей России.

И как близки эти мечты нам, сегодняшним жителям третьих тысячелетия. Будто сегодня стихи написаны.

Вот подождите –

Россия воспрянет,
Снова воспрянет
и на ноги встанет.
Впредь её Запад уже не обманет
Цивилизацией дutoй своей:
Встанет Россия,

да, встанет Россия,
Очи раскроет свои голубые,
Речи начнёт говорить огневые, –
Мир преклонится тогда перед ней!
Встанет Россия –

все споры рассудит:
Встанет Россия –

народности сгрудит:
И уж у Запада больше не будет
Брат от негодной культуры росток.
А вдохновенно и религиозно,
Пламенно веря и мысля серьёзно,
В недрах своих
непреложностью грозной
Станет выращать новый цветок...

При этом не надо считать поэта неким мечтательным фантазёром, или “большевизаном”, как его обзывали в белогвардейской прессе. Он и к событиям на родине относился по-разному, что-то принимая, что-то резко отвергая. Прежде всего, разрушение святых обителей и имперских памятников, явно осуждал безбожие новой России, надеясь на народное благоразумие.
И чувствую, близится судное время:
Бездушие мы духом своим победим,
И в сердце России

пред странами всеми
Народом народ будет грозно судим.
И спросят избранныки –

русские люди –

У всех обвиняемых русских людей,
За что умертвили они в самосуде
Цвет яркий культуры отчизны своей.
Зачем православные Бога забыли,
Зачем шли на брата, рубя и разя...
И скажут они: “Мы обмануты были,
Мы верили в то,

во что верить нельзя...”
И судьи умолкнут

с печалью любовной,
Поверив себя в неизбежный черёд,
И спросят:
“Но кто же зачинщик виновный?”
И будет ответ: “Винаюет весь народ.”

Он думал о счастье
отчизны любимой,
Он шёл на жестокость
во имя Любви...”
И судьи воскликнут:
“Народ подсудимый!

Ты нам не подсуден –

мы – братья твои!

Мы часть твою, плоть твою,
кровь твою, грешный,

Наивный, стремящийся вечно вперёд,
Взыскующий Бога

в Европе кромешной,
Счастливым в несчастье,
великий народ!”

Мне кажутся эти строки поэта просто пророческими. И кого судить за все наши великие и малые несчастья и XX века, и века нынешнего? Евреев, че-

чен, эстонцев, или всё же самих себя, и не судить даже, а предопевать все напасти и обманы и идти дальше вечно вперёд!

Бывают дни: я ненавижу
Свою отчизну – мать свою.
Бывают дни: её нет ближе,
Всем существом её пою.
Всё, всё в ней противоречиво,
Дулико, двоедушно в ней,
И, дева, верящая в диво
Надземное, – всего земней:
Как снег-миндаль. Миндальны зимы.
Гармошка – и колокола.
Дни дымчатые. Прозрачны дымы.
И вороны – и сокола.
Слом Иверской часовни. Китеж.
И рузьян-мать, и ласка-мать:
А вы-то тштитесь, вы хотите
Ширококрайнюю объять!

Я – русский сам, и что я знаю?

Я даюю. Я в небо реусь.

Я сам себя не понимаю.

А сам я – вылитая Русь!

Поэт и ненавидит и восхищается всем тем, что происходит у него на родине. Даже не принимая многого, он не жалеет ей зла. Так же поступали все лучшие и искренние русские эмигранты, от генерала Деникина и Ивана Бунина, плещущих за победу русского оружия в Великой Отечественной войне, до Марины Цветаевой и Алексея Ремизова, Владимира Набокова и Андрея Белого.

По другую сторону были те, что давно уже возненавидел всё русское, и с радостью присоединился к нацистской армии. Нет, даже в первые годы эмиграции, когда ещё в памяти были все жестокие деяния, в 1924 году он писал о своей России:

Моя безбожная Россия,
Священная моя страна!
Её равнины снеговые,
Её цыгане кочевые, –
Ах, им ли радость не дана?
Её порывы огневые,
Её мечты передовые,
Её писатели живые,
Постижные её до дна!
Её разбойники святые,
Её полеты голубые
И наше солнце и луна!
И эти земли неземные,
И эти бунты удалые,
И вся их, вся их глубина!
И соловьи её ночные,
И ночи пламно-ледяные,
И браги древние хмельные,
И кубки, полные вина!
И пройчи бешено-степные,
И эти спицы расписные,
И эти трубы золотые,
И крыльчатые пристяжные!
Их шёл лебяжья крутизна!
И наши бабы избяные,
И сарафаны их цветные,
И голоса девиц зрудные,
Такие русские, родные
И молодые, как весна,
И разливающие, как волна,
И песни, песни разрытые,
Какими наша грудь полна,
И вся она, и вся она –
Моя полущая Россия,
Крылатая моя страна!

Пусть простят меня и читатели и редакторы за столь обильное цитирование, но такого Северянина ещё мало кто знает, такого Северянина не преподают в школах и институтах, такого русского Северянина держат и сейчас где-то на обочине. А я хотел бы, чтобы все вслух читали о его безбожной, но столь любимой им России, чтобы через такие стихи учились любить свою Родину.

Есть в этом воистину классическом сборнике Северянина стихи и о любви, о природе, об озёрах и реках, о рыбах и птичках, есть стихи о святыхах, монастырях, храмах, монашках. Пожалуй, это вторая важная тема сборника – Божественная. Но как отделить Любовь от Божественного? Вот я и закончу разговор о моей любимой книге моего любимого поэта стихотворением, тоже достаточно широко известным. Стихотворением, которым и заканчивается книга “Классические розы”:

Соловьи монастырского сада,
Как и все на земле соловьи,
Говорят, что одна есть отрада
И что эта отрада – в любви:

И цветы монастырского пуга
С лаской,
своейственной только цветам,
Говорят, что одна есть заслуга:
Прикоснуться к любимым устам:

Монастырского леса озёра,
Переполненные голубым,
Говорят, непл лазурнее взора,
Как у тех, кто влюблён в любовь:

И чего стоят после приведённых мною стихов разгневанные строчки Георгия Адамовича, восторгавшегося прежним северянинским словесным “фонтаном”, и крайне недовольного надеждами поэта на то, что “Россия воспрянет”? Один из парижских столпов эмиграции недоволен тем, что у Северянина недостаточно нытья. Это ведь он Адамовиче писала поэту Марина Цветаева, гневно заявлявшая, что у того нет места ни правде, ни поэту.

Хотелось бы процитировать из этой книги и стихи о любви, о Достоевском, о природе, и одно стихотворение лучше другого. Разве вы не почувствуете очарования даже в таком этюде о сне:

Мне удивительный

вчера приснился сон:

Я ехал с девушкой,

стихи читавшей Блока.

Лошадка тихо шла.

Шуршало колесо.

И слезы капали.

И вилась русый локон.

Может, он и впрямь нашёл себя в тихой эстонской Тойле? На рыбной ловле? За чтением стихов и книг своих товарищей? Кстати, из современников любил читать столь же классических Ивана Шмелёва, Бориса Зайцева, Ивана Бунина. Я подолгу засиживался в тойлааском домике Северянина, обходя пешком все его окрестности, хотел понять, чем жил поэт. С тех пор и в Тойле, и в Усть-Нарве не так уж много изменилось, и на реке Россонь так же ловят рыбу. Северная эстонская глушь. Здесь прожить более 20 лет мог только поэт, и впрямь, отчуждённый от шумной жизни. Вось мыслями в России. Вот уже из завершающих стихов 1939 года:

Не предавал тебя

ни мыслью, ни душой,

Мне не в чем каяться,

Россия, пред тобой:

А если в чуждый край

физически ушёл,

Давно уж понял я,

как то нехорошо...

И ведь никто его не винит, никаких шумных протестов, даже наборот, к нему приезжает на машине в Тойла сам посол Советского Союза Фёдор Раскольников. Уже после присоединения Эстонии к Союзу опять же, к тойлааскому отшельнику у советских властей никаких претензий, приезжают журналисты из “Правды” и “Известий”, начинают печатать советские журналы. Может, за это несправедливости властям его и ныне так недолюбливают либеральные круги? Ведь все их кумиры не хотели понимать, что нехорошо творцам уходить в чуждые края? Как откровенно Игорь Северянин признаётся, что и “без нас” новая Россия успешно строится.

Он воспевал и в Эстонии русские фольклорные реки, запомнившиеся ему с детства. Он и жил в Тойла как в своём череповецком лесу, чувствуя в Нарове и Россони близость к его Суде и Шексне. Недаром очень метко Андрей Вознесенский сравнил его с фольклором:

“Игорь Северянин – фолькл культуры. Это ироничная, капризно-музыкальная рыба, будто закапанная нотами, привыкла к среде хрустальной и стремительной”.

А жестокая приступы тоски по родине, связанные и с тотальным одиночеством, с нищетой, с чувством, что ты никому не нужен, повторялись:

От гордого чувства,

чуть странного,

Бывает так горько порой,

Россия построена заново

Друзьям, не нами, без нас.

Уж ладно ли, худо ли построена,

Однако построена всё же:

Сильна ты без нашего воина,

Не наши ты песни поёшь.

И вот мы остались без родины.

И вид наш и жалок и пуст,

Как будто бы белой смородины

Обглодан раскидистый куст.

В рукописях поэта остался набросок незавершённого стихотворения:

Во мне всё русское соединилось:

Религиозность, тоска, мятёж,

Жестокость, пошлость,

порок и жалость,

И безнадёжность, и свет надежд.

Рассказ-быль

Неисповедимыми путями ведёт нас Господь. Часто так и не понятными или забытыми, стёртыми из памяти ежедневными заботами. А также привычка быть невнимательным к себе, неумение видеть свои поступки со стороны и не даёт нам разглядеть те знаки, что даёт Он каждому – и святому, и последнему грешнику.

Мне довелось неоднократно бывать в Арктике, и каждый раз встречал что-то новое, неповторимое – неизвестное на берегу в житейской сытости и комфорте городской жизни. Первый раз это было как открытие мира, вкури себя и в себе. Меня тогда пригласили в экспедицию в качестве водолаза. С Арктикой был знаком только по книгам и кинофильмам. На яхте до этого не плавал, а тут предстояла работа в арктических водах на борту маленького судна. И на этом восьмиметровом судне ещё надо было и до берега добираться. А ведь яхта это на самом деле самодельная, сделана из фанеры и предназначена для хождения по внутренним водам: рекам, озёрам.

Первое испытание произошло в Печорском море. Нас настиг шторм. Ночью в темноте сильной качкой и волной меня, неосторожного, сбросило в море. Чудом при падении, не помню уж как, ухватился за мостовую релинг, небольшое ограждение на борту судна. Несколько попыток подняться на борт не увенчались успехом. Жизнь моя лихорадочно цеплялась за стальные трубы релинга.

Паники не было, было понимание, что долго так не выдержат и я сорвусь в морскую пучину. Сосредоточившись и поймав движение корпуса на себя, сделал резкий выход силой, и неожиданно для себя как-то даже легко оказался на палубе. Навсегда я усвоил урок: во время качки, когда волна в любой момент мо-

жет опрокинуть твой горизонт и вырвать палубу из-под ног, три точки твоего тела должны быть зафиксированы на поверхности яхты – обе ноги на палубе, рука держится за такелаж и, – перехватываясь, максимально снимая центр тяжести тела, – двигаться в указанном направлении. Если же нужно задействовать

И стал мне храм родным...

обе руки, то лучше опуститься на колени и согнутой в локте рукой перехватиться за ванту, шток.

Много раз приходилось вспомнить знаменитую фразу Нансена: “В Арктике потерять жизнь легче, чем выронить монету из дырявого кармана”.

Это было потом, а тогда наутро, после первого моего шторма, казалось, что подобное уже никогда не случится, и прошедшее воспринималось как страшный сон.

В ту ночь мы чуть не потеряли руль. Многих натерпелся страхов, но и понял, что долгая многочасовая опасность обостряет ум и восприятие внешней информации, делает движение тела более точными. Страх, который есть в начальный период опасности, отступает, как только начинаешь действовать. Бездействие превращает страх в действие.

Днём мы встретились с другой яхтой, на которой были наши товарищи, ночью штормовали где-то рядом. Все усталие, но радостные. Капитан – очень опытный моряк, сказал, что нам повезло. Он за всю жизнь, а было ему около шестидесяти лет, походил по морям немало, но такого шторма ещё не видел. Ошибся морской волк, были в ту экспедицию шторма и мощнее, и гораздо сильнее.

В двадцатых числах августа ветры поменялись на северный и северо-восточный. Подул полуночник, началась пурга и продолжалась эта непогода три дня. За это время насыпало много снега. Мы спрятались в тихую бухту, пережидали. Через три дня ветер стих, море успокоилось, но мы поняли, что надо собираться

домой. Успел или не успел сделать намеченное – всё! Время короткого арктического лета закончилось, зима стучится в дверь.

При переходе от полуострова Адмиралтейства к полуострову Гусиняя Земля архипелага Новая Земля нас настиг жестокий шторм, а после мы попали в Новоземельскую Бору.

Новоземельскую Бору – это стоковый ветер невероятной силы, когда людей с ног валит и двухсотлит